

Живой товар

В приморском городке исчезают красивые девушки. Следователь Никонов понимает: орудует не маньяк, враг намного хитрее и коварнее. Но он даже не предполагал, что его дочь тоже станет жертвой! Он скрывает ее исчезновение от начальства, чтобы продолжить дело. Концов в этой мутной истории как будто не найти, преступников кто-то покрывает. Неожиданный звонок Ольги, одной из похищенных, дает ему зацепку. Девушек выкрали, чтобы продать за границу! От власти и закона не стоит ждать помощи. Никонов связывается с родными похищенных девушек и берет правосудие в свои руки.

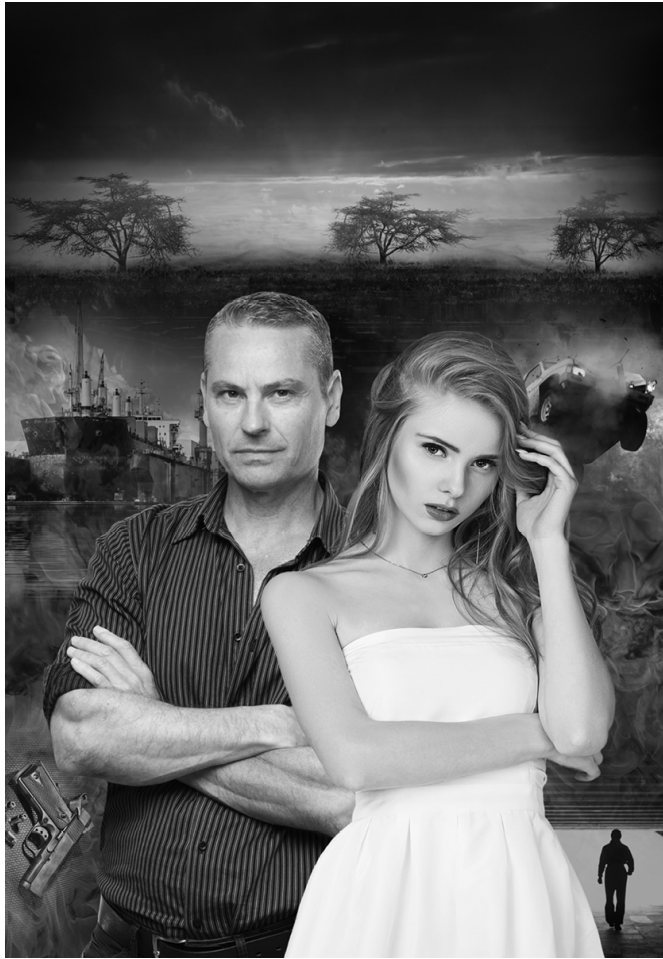
СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ЖИВОЙ ТОВАР

КСД

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

**ЖИВОЙ
ТОВАР**

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 **КСД**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9363-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

У приморському містечку зникають красиві дівчата. Слідчий Ніконов розуміє: орудує не маніяк, а набагато хитріший і підступніший ворог. Але Ніконов і гадки не мав, що його дочка теж стане жертвою! Він приховує її зникнення від начальства, щоб продовжити справу. Кінців у цій каламутній історії начебто не знайти, злочинців хтось покриває. Несподіваний дзвінок Ольги, однієї з викрадених, дає йому зачіпку. Дівчат викрали, щоб продати за кордон! Від влади і закону не варто чекати допомоги. Ніконов зв'язується з рідними викрадених дівчат і бере правосуддя до своїх рук.

Майдуков С.

М14 Живой товар : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 256 с.

ISBN 978-617-12-9155-3

В приморском городке исчезают красивые девушки. Следователь Никонов понимает: орудует не маньяк, а враг намного хитрее и коварнее. Но Никонов даже не предполагал, что его дочь тоже станет жертвой! Он скрывает ее исчезновение от начальства, чтобы продолжить дело. Концов в этой мутной истории как будто не найти, преступников кто-то покрывает. Неожиданный звонок Ольги, одной из похищенных, дает ему зацепку. Девушек выкрали,

чтобы продать за границу! От власти и закона не стоит ждать помощи. Никонов связывается с родными похищенных девушек и берет правосудие в свои руки.

УДК 821.161.2(477)

© Майдуков С. Г., 2021

© DepositPhotos.com / geniuslady, Anna_Om, ooGleb, gsagi, erstudio, MikeMareen, kues, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава первая

Солнце, поднявшееся над Азовском, было розовым и казалось слегка сплюснутым из-за утренней дымки. Где-то в небе попискивали невидимые птицы.

Стекла машины были запотевшими, и пока Аркадий протирал их, сонная Оля смотрела в телефоне погоду. День обещал быть жарким и безветренным. Была еще только середина мая, а море прогрелось до двадцати четырех градусов. Самое время загорать, пока пляжи не заполнили отдыхающие, от которых азовчане имели не только прибыль, но также горы мусора, загрязненную воду и столпотворения на улицах.

— Пристегнись, — сказал Аркадий, трогая машину с места.

— Рано еще, — отозвалась Оля. — Никто не увидит.

— Ты плохо знаешь подорожников. Они как раз любят с утра пораньше бабла накопить, чтобы потом отдыхать со спокойной совестью.

— Зачем подорожникам совесть?

Они засмеялись. Под «подорожниками» подразумевались работники дорожной автоинспекции, или как там она называлась официально. Молодые люди в такие подробности не вдавались. Плевать им было и на автоинспекцию, и на прочие государственные учреждения со всеми их надстройками, структурами и функциями. Они ехали плавать и загорать.

Дорога заняла меньше получаса. Вырвавшись из города, машина пропетляла через пару приморских сел и достигла побережья. Аркадий Чардаш и Ольга Саввич облюбовали это место еще в прошлом году и побывали здесь несколько раз. Главным плюсом было отсутствие пансионатов и отелей. Здешний берег был слишком крут для строительства, так что на протяжении километра или около того под обрывом простиралась полоска песчаного пляжа без лежаков, кафе, прокатных пунктов и прочих курортных штучек. С разгаром летнего сезона, правда, сюда стягивались любители дикого отдыха, но пока что тут еще можно было насладиться уединением.

Оставив машину наверху, пара с вещами спустилась по коварной тропке. Под ногами идущих то и дело шмыгали ящерики, кузнечики

и прочая живность. Обрыв был испещрен норами стрижей и, возможно, змей, которых Оля ужасно боялась. Она с облегчением вздохнула, когда опасный спуск остался позади.

— Все ноги исцарапала, — пожаловалась она.

— Сколько? — спросил Аркадий, бросив вещи на песок.

— Что сколько?

— Сколько ног у тебя? Ты говоришь так, как будто у тебя их много. Как у сороконожки.

Довольный своей шуткой, он засмеялся.

— У меня две ноги, — воинственно произнесла Оля, щурясь. — И если кое-кто предпочитает сороконожек, то никто его не держит.

Они считались помолвленными уже почти два месяца, с их первой ночи у Олиной подруги. Хотя никакой помолвки на самом деле не было и официального предложения с кольцом в коробочке и опусканием на колено Аркадий не делал. Просто он сказал, что хочет жениться на Оле, и она согласилась, потому что тоже хотела этого. Ей было двадцать, ему было двадцать пять. В таком возрасте решения принимаются быстро, ведь у людей еще целая жизнь впереди, для того чтобы понять, правильно ли они поступили. А если нет, то с годами в этом можно будет убедиться, а потом — при наличии времени, сил и решимости — даже исправить ошибку. Так далеко Оля и Аркадий не заглядывали. Решили пожениться, ну и решили. Почему нет?

— Отвернись, — сказала Оля, — мне нужно переодеться.

— Ага, — откликнулся Аркадий. — Щас.

Она знала, что он любит на нее смотреть, и ей это нравилось. У нее была классная фигура. Голая она могла затмить сразу несколько десятков девушек своего возраста и комплекции, тогда как одетая ничем не выделялась — ни внешностью, ни манерами.

Прежде чем раздеться, Оля окинула взглядом кромку обрыва, а потом перевела его на море. Рыбацкие лодочки виднелись далеко-далеко, где-то на краю горизонта. Оля сняла с себя одежду и потянулась за купальником, но его держал в руках ухмыляющийся Аркадий.

— Отдай! — потребовала она, еще не зная, сердится по-настоящему или притворяется.

— Зачем тебе? — сказал Аркадий. — Тут никого нет. Мы как Адам и Ева.

— Отдай!

Оля шагнула к нему, но он отпрыгнул и издевательски покрутил купальником над головой. Она поняла, что начинает сердиться по-настоящему. Ей не нравились такие шутки. Она не собиралась расхаживать перед ним голая, да еще в таком месте, куда в любой момент могли нагрянуть посторонние.

Аркадий видел, что Оля злится, но его это не остановило. Ситуация возбуждала. Он остро ощущал, что Оля принадлежит ему, а остальные могут лишь облизываться. На ярком солнце Олина нагота была просто ослепляющей.

В свои двадцать пять он успел перепробовать немало девушек, но Оля была самой лучшей из них. Он собирался жениться на ней, чтобы поскорее завести ребенка и по окончании института получить отсрочку от армии. Оставался год, так что нужно было спешить. Сделав предложение, Аркадий перестал пользоваться презервативами, но Оля пока что не забеременела. Может, сегодня выстрелит?

— Купальник за поцелуй, — сказал Аркадий. — Нет, за три.

— Это видел?

Показав ему фигу, Оля начала одеваться. Он опешил.

— Куда ты собралась?

— Домой, — сказала она. — Оставь купальник себе. Тебе пойдет.

Если бы не насмешка, он бы остановил ее и нашел пару примирительных фраз. Но Олина острота задела мужское самолюбие. Он бросил купальник на песок и сказал:

— Дело хозяйское.

Для Оли это была уже не обида, а настоящее оскорбление. Она подхватила сумку и, оставив купальник там, куда тот был брошен, зашагала к тропе наверх.

Больше Аркадий ее не видел. Часа два или три он плавал и загорал в гордом одиночестве, а потом вернулся домой. Вечером позвонила Олина мать, разыскивавшая дочь, и он объяснил ей, что они поссорились. На следующее утро его задержали на улице полицейские и препроводили в отделение, где объявили, что в соответствии с заявлением родителей Оли он подозревается в ее похищении или убийстве.

Почти трое суток он провел в камере предварительного заключения и приготовился к худшему, но ему повезло. Оперативники, проверяя его показания, нашли водителя автобуса, хорошо запомнившего Ольгу Саввич, попросившую довести ее до города. Он запомнил время и место, где высадил девушку. Аркадий «засветился» на камере наружного наблюдения, когда заправлял свою машину бензином. Сопоставив факты, следователь отпустил молодого человека, взяв с него подписку о невыезде.

Ольга так и не нашлась. Очень скоро читатель узнает, что с ней приключилось и куда она пропала. А пока что перейдем к новому персонажу нашей истории. Тем более что именно он и является ее главным героем. Итак, знакомьтесь...

Глава вторая

Алексей Никонов был мужчиной самого обычного сложения и наружности. К сорока его светлые волосы начали редеть, и он завел себе короткую прическу, так что этот недостаток стал незаметен. Жене Алексея, Алле, нравилась такая стрижка. В минуты близости она любила держать руку на затылке мужа, чтобы ощущать ладонью колючесть топорщащихся волосков: это напоминало о том, что ею овладевает сильный, властный мужчина, победитель и завоеватель. Любила она также смотреть, как золотятся волосы на теле Алексея при свете лампы или солнца.

Вообще внешне он соответствовал ее представлениям о мужской привлекательности. Его лицо было грубоватым, он был сильным и уверенным в себе, умел сдерживать эмоции и не любил болтать попусту. Но с годами эти достоинства сделались чем-то само собой разумеющимся, привычным, данным раз и навсегда, и Алле стало казаться, что на самом деле ей нравятся мужчины галантные, чуткие, порывистые. К тому же ее все больше раздражала профессия Алексея. Он был следователем, работал в полиции, и Алле становилось неловко, когда ее спрашивали об этом.

У всех подруг и знакомых мужья владели какими-то интересными, даже можно сказать романтическими профессиями. Один был архитектором, другой — специалистом по мотивации, третий — художником-импрессионистом, который продавал картины в виртуальных галереях за вполне реальные бабки. Кроме того, они занимались или йогой, или спортом, или домашний интерьер до ума доводили, а свободное время посвящали своей семье, тогда как Алексей Никонов никуда, кроме работы, не ездил, тупо торчал там с раннего утра до позднего вечера (не говоря уже о ночных авралах). Зарплаты же его едва хватало на то, чтобы обеспечивать некую стабильную базу, тогда как деньги на шмотки и развлечения приходилось зарабатывать Алле.

Легко ли одеться самой и одеть семнадцатилетнюю дочь, которой к тому же то айфон, то косметику подавай? Нет. Вот и вертелась Алла как белка в колесе: в Турцию моталась, вещи возила, магазином заведовала, по выходным часть товара на рынок перекидывала. И разве

дождешься помощи от мужа, который как проклятый на страже закона стоит! Одним словом, с годами количество претензий к Алексею увеличивалось, а крыть их ему было нечем. В итоге их брак стал трещать по швам. Только Алексей Никонов этого не замечал. На своем следовательском поприще он был дока, а в делах житейских разбирался слабо. И в упор не видел того, что творилось у него под носом.

А творилось нехорошее. Это если с его позиции рассматривать. Алла же млела от счастья и переживала вторую молодость. Все было как в первый раз. И любовь до упаду, и страсть жаркая, и тоска щемящая по любовнику, с которым видеться получалось всего по несколько дней в месяц, во время полетов в Стамбул. Он турок был, звали его Эрол. Моложе Аллы на пять лет, красивый, обходительный, неутомимый в любви. В настоящее время он сам прилетел из Турции, чтобы уговорить Аллу уехать с ним.

Уехать навсегда.

Эрол пока что собственный бизнес не завел, но стремился к этому, в отличие от тех, кому лишь бы от звонка до звонка штаны на службе просиживать. Его связи со стамбульскими оптовиками, капитал Аллы и мозги обоих должны были вывести их на совершенно новый уровень. Эрол не просто болтал языком и манил несбыточными вещами, а предлагал вполне конкретные дела. Первым пунктом стояла женитьба, потом — съём квартиры и открытие оптового магазина в Таксиме, самом оживленном и денежном районе Стамбула. Но Алла колебалась. Она еще не была готова согласиться окончательно, но и категорически отказать любовнику не находила сил. Особенно после сумасшедших свиданий, наполненных бурными оргазмами и нежными признаниями.

В результате последней — недавней — встречи с Эролом Алла чувствовала себя такой опустошенной, такой легкой, что впору летать на крыльях счастья, а не ходить по грешной земле. По пути домой она пыталась придумать правдоподобную причину столь позднего возвращения, но вдруг это показалось ненужным и унижительным. Кто ей Алексей, чтобы требовать от нее отчета? Она и так отдала ему лучшие годы своей жизни, терпела его тяжелый характер, мирилась с его вечной занятостью, с тем, что его никогда нет дома. Алле осталось всего несколько лет относительной молодости. Вот-вот ей

стукнет сорок — и что тогда? Сидеть в одиночестве, наблюдая за своим увяданием в зеркале? Нет уж! От жизни нужно брать все, и брать немедленно, не откладывая на потом, иначе будет поздно.

К превеликому удовольствию Аллы, Алексей задержался на работе еще больше, чем она сама. Бегло поболтав с дочерью, она заперлась в ванной и успела смыть с себя следы грешной страсти до того, как домой явился Алексей. Он был не в духе, посмотрел из-под насупленных бровей и спросил, будут ли они ужинать.

— Я разогрею! — вызвалась Лора.

Она почувствовала напряженность атмосферы и попыталась ее разрядить. Не потому что была такой уж верной союзницей матери, чтобы выгораживать ее. И не потому что была папиной дочкой, которой хотелось поскорее накормить голодного и усталого папочку. Просто ей не нравилось, когда в отношениях родителей что-то не ладилось, и она старалась примирить их, пока дело не зашло слишком далеко.

— Ты отдыхай, Лора, — сказал Никонов дочери и добавил: — Если уроки сделала. Сделала уроки?

— Мы уже два дня не учимся, — объявила дочь с обиженной миной на лице. — Выпускные экзамены скоро. Готовлюсь.

— Вот и готовься. Ужином меня мама накормит. Или у нас в доме что-то изменилось?

«Да», — подумала Алла, но вслух сказала:

— Конечно накормлю. Я и сама проголодалась, как зверь.

— Опять поздно пришла? — спросил Алексей, устраиваясь за столом.

— Товар на комиссию принимала, — пояснила она, ставя кастрюли на плиту.

— И вчера тоже принимала...

— И вчера принимала, — произнесла Алла с вызовом. — А что?

— И тоже раздраженная была, — продолжал Алексей монотонно.

— Устаю я! Ясно? Работы много.

— Поэтому на мне срываешься?

— Никто не срывается...

Алла выставила на стол разогретый ужин и села сама. Есть не хотелось. Мешало присутствие мужа. Слишком близко он сидел. Она слышала, как он жует и глотает. Ей это было неприятно, хотя не так

давно, когда она с Эролом перекусывала в гостиничном номере, ее совершенно не раздражало то, как тот чавкает.

Не донеся вилку до рта, Алла посмотрела на Алексея. Он тоже поднял на нее взгляд. Его челюсти мерно двигались. Неожиданно ей захотелось ударить его. Может быть, даже зубцами вилки. Это он был во всем виноват! Если бы не его черствость и вечная занятость, ей не пришлось бы искать любви на стороне и она не чувствовала бы себя последней блядью.

— Что смотришь? — спросила она.

Не ответив, муж вышел из кухни, вернулся на место и сказал:

— В наушниках сидит. Можно разговаривать спокойно.

— О чем разговаривать? — Алла резко отодвинула тарелку.

— Разве не о чем? — спросил Алексей.

Его лицо ничего не выражало. Оно было как каменное. И снова ей захотелось ударить его. Но одновременно с этим ей захотелось разрыдаться у него на плече. Так больше не могло продолжаться. Алла понимала это. Она знала, что долго не выдержит.

Она встала и занялась посудой, не дожидаясь, пока муж закончит ужинать. Он стал рядом и тихо спросил:

— Что с тобой, Алла?

— Ничего, — раздраженно ответила она и добавила: — Надоело все.

— Что именно? — допытывался он.

— Все, — отрезала она.

— Я? Дочка? Жизнь? Неужели все?

— Отстань, — попросила она. — Не обращай внимания. Устала я.

Пройдет.

— Хочешь, съездим куда-нибудь? — предложил Алексей.

— Куда? — пожелала уточнить Алла.

— Не знаю.

— Не знаешь... Как всегда.

Она швырнула тарелку в раковину и вышла из кухни.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Алексей час спустя, когда они выключили свет и улеглись.

— Проехали, — сказала Алла, — спи.

Он помедлил и положил руку ей на грудь. Соску было больно.

— Не надо, — попросила она. — Я не в настроении.

— Ты в последнее время всегда не в настроении.

— Значит, так и есть.

Алексей взялся за другую грудь. Она отбросила его руку. Ей была невыносима мысль о том, что другой мужчина будет трогать ее там, где трогал Эрол. Это было неправильно, это было стыдно. Все было неправильно и стыдно.

— Я сплю, — объявила Алла и отвернулась.

Он оставил ее в покое, но она слышала, чувствовала, муж не спит и смотрит ей в спину. Она в очередной раз сказала себе, что так больше продолжаться не может. У других женщин получалось, а у нее — нет. Алла не могла делить себя между двумя мужчинами. Тем более между любимым и опостылевшим, надоевшим хуже горькой редьки мужем. Она поняла, что уедет, хотя мысленно допускала иной вариант. Превжняя жизнь кончилась. Алла вышла из нее и не сумела вернуться обратно, как не способна змея забратсья в сброшенную кожу.

Глава третья

Завтракали Никоновы, как обычно, порознь. У каждого был свой график. Лора, которой больше не нужно было посещать школу, вообще спала допоздна, чтобы встать после ухода родителей и ощутить себя свободной. Рабочий день Аллы начинался на час позже, чем у мужа, да и вообще она могла не спешить в магазин, поскольку там имелся продавец. Поэтому первым сел за стол Никонов, насыпал в тарелку хлопьев, залил молоком, добавил изюма с орешками и принялся мешать ложкой.

Настроение было никудашное. Никонов чувствовал, что их брак дал трещину, которая расширяется и углубляется с каждым днем. Он не знал, как справиться с этой напастью. Алла становилась неуправляемой, непредсказуемой и невыносимой. Ладить с ней не получалось. Она как будто нарочно ломала все, что составляло основу их союза. Никонов не понимал причины. Может быть, у нее появился другой?

Предположение окончательно отравило не только настроение, но и пищу. От мысли об изменах жены молоко показалось прокисшим. Никонов отправил содержимое тарелки в унитаз и принялся расхаживать по квартире, делая вид, будто собирается, а на самом деле ища повод серьезно поговорить с женой. Она не обращала на него внимания, неспешно и тщательно красилась перед зеркалом в спальне.

— Трусы новые, — отметил он, окинув ее взглядом.

— Ты предпочел бы, чтобы я в старых ходила? — спросила Алла, тараща глаз, чтобы было удобнее наводить контур.

— Завтра пятница, — сказал Никонов. — Махнем куда-нибудь?

Она отложила косметический карандаш и, оторвавшись от зеркала, посмотрела на мужа.

— С чего вдруг?

— Есть путевки выходного дня, я слышал. Попросим Лору поискать в Интернете.

— Я спрашиваю, почему ты вдруг куда-то собрался?

— Подумал, что тебе, наверное, скучно.

— Нет, — отрезала Алла. — Мне не скучно.

— Все ездят, — сказал Никонов, не придумав ничего лучше.

— Мы давно никуда не ездим вместе. — Она взяла карандаш и снова повернулась к зеркалу. — Не будем ломать традицию.

Он вышел, опять походил по квартире и вернулся. Алла, одевавшаяся возле шкафа, отступила за дверцу.

— Долго ты будешь крутиться? — спросила она с досадой. — На работу не опоздаешь?

— Работа подождет, — сказал Никонов. — Ты вот что, Алла...

Так и не закончив мысль, он подошел и попытался обнять ее. Она выставила локти, присела и выскользнула из его объятий, как рыба.

— С ума сошел? Дочка, наверное, проснулась. Что на тебя нашло?

— Соскучился, — сказал он.

— Неделями не вспоминает, а тут вдруг соскучился! Ненормально как-то.

Никонову и самому не нравилось собственное поведение.

Развернувшись на пятках, он вышел и отправился на работу. По пути, а потом и в кабинете все его мысли крутились вокруг Аллы, постоянно возвращаясь к ее непривычной холодности, граничащей с брезгливостью. Прежде за ней никогда не водилось такого. Между ними случались и размолвки, и настоящие затяжные ссоры, но тогда проявлялись другие чувства. Гнев. Обида. Желание досадить. Теперь Аллу было не узнать.

«Да пошла она!» — сказал себе Никонов в десятый или двадцатый раз... и в десятый или двадцатый раз подумал: «Нет, не пошла! Никуда ее не отпущу. Она моя. Я без нее не могу. Я к ней привык. Или как это называется? Люблю ее, вот. Да, люблю. Нужна она мне».

Разумеется, при таком внутреннем раздрае работа не ладилась. Все, за что бы ни брался Никонов в тот день, шло сикось-накось. А тут еще его дернул к себе начальник следственного отдела, пожелал знать, как продвигается дело гражданки Саввич, пропавшей без вести полторы недели назад.

— Ищем, — лаконично произнес Никонов.

На стандартный ответ последовала стандартная реплика:

— Плохо ищешь, майор.

— Все необходимые меры приняты, товарищ полковник.

— Ни хрена не приняты, — отрезал начальник. — Меня из прокуратуры теребят. Седьмое исчезновение за месяц, а мне

докладывать нечего. Ускоряйся, Никонов, ускоряйся. С меня не слезут, пока рабочей версии не выдадим. А у нас нет ни хрена.

— Так и зацепок нет, — сказал Никонов. — Из этих семи девушек половина, небось, к хахалям своим сбежала. А может, и больше.

— Может — не может. Мы тут не гадать на кофейной гуще поставлены.

Фамилия начальника отдела была Зинченко. Он был таким плечистым, что казался одинаковым в ширину и в высоту, тем более что рост его был где-то около метра шестидесяти. Алексей Никонов был знаком с ним еще с училища, но с тех пор Зинченко быстро пошел вверх по служебной лестнице, тогда как Никонов карьерой не мог похвастаться. Втайне он надеялся, что старый товарищ поспособствует с присвоением ему очередного звания, но ничего подобного пока не происходило. Наоборот, Зинченко всячески подчеркивал, что их ничего, кроме чисто служебных отношений, не связывает.

— Я могу идти, товарищ полковник? — спросил Никонов.

— Не можешь, — сварливо ответил Зинченко. — Я тебя не отпускал. Чего квелый такой, Алексей?

Это было что-то новенькое. Давно уже Зинченко не называл бывшего товарища по имени.

— К службе это отношения не имеет, — буркнул Никонов.

— Имеет, — возразил Зинченко. — Потому что настроение работников сказывается на выполнении ими служебных обязанностей, разве нет?

По кабинету медленно летал тополиный пух. В открытое окно врывались привычные городские звуки: гул машин, щебет птиц, тархтение газонокосилки.

— Все нормально, — сказал Никонов. — С женой немного не ладили. Образуется.

— С женой ладить нужно, — заметил Зинченко. — Обязательное условие для мирного сосуществования. Тут главное соглашаться и не спорить. Покивал, мол, да, да, хорошо, а сам по-своему делай. И никаких конфликтов не будет.

— Тут другое. Нервная она в последнее время. Не подступись.

— Гм. Для климакса вроде рановато. Сколько ей?

— Сорок скоро, — неохотно ответил Никонов.

— Не климакс, — кивнул Зинченко. — Может, гормональная перестройка какая? У баб бывает. Гормоны бушуют.

Никонов понятия не имел, что такое гормоны и как они влияют на состояние человека. Разговор по душам был дежурным и бессмысленным. Не признаешься ведь начальнику, что подозреваешь супругу в неверности. Никому не признаешься.

— Наверное, — согласился Никонов. — Пройдет.

— Ну ладно, — сказал Зинченко. — На этой оптимистической ноте и закончим. Свободен, майор. И действуй, действуй.

Вернувшись к себе, Никонов разложил на столе все семь папок с материалами о пропавших без вести и принялся в очередной раз изучать их, пытаясь отыскать какую-то общую закономерность, которая могла бы превратиться в ниточку, чтобы за нее уцепиться. Мешал допрос, проводившийся за соседним столом. Половину здания Управления полиции недавно забрал жилищный фонд, и сотрудники были вынуждены сильно потесниться. Пока начальство выбивало дополнительные площади, им приходилось делить кабинеты и мириться с сопутствующими неудобствами.

К Никонову подселили капитана Северцева, обладавшего столь хриплым голосом, что, слушая его, постоянно хотелось откашляться. Хриплоголосый Северцев проводил досудебное дознание по делу об убийстве на бытовой почве. Подозреваемый, он же, по всей видимости, убийца, совсем не походил на преступника. Это был полный дядечка с круглым безбровым лицом, вялым подбородком и постоянно расползающимися губами. Он утверждал, что жена его выпала из окна случайно, когда мыла стекла. Северцев в очередной раз зачитал ему показания свидетельницы из дома напротив, которая видела, как подозреваемый толкнул несчастную, когда она стояла на стуле. Никонов ожидал, что дядечка опять начнет юлить и изворачиваться, но тот неожиданно произнес:

— Ладно. Я ее толкнул. Не рассчитал. Припугнуть хотел.

Прозвучало это буднично, как если бы речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Никонов поднял голову, слушая.

— Припугнуть? — прохрипел Северцев. — Для чего?

— Она изменяла мне и не признавалась, гражданин следователь. Отнекивалась, а сама в глаза смотрела и улыбалась. Нахально так. Мол, все равно не поймаешь и не докажешь.

Ручка Северцева бегала по бланку протокола.

— Откуда у вас уверенность в изменах жены? — осведомился он, не поднимая головы.

— Так очевидно же, — сказал дядечка. — Я в третий раз женат. Изучил их повадки. Начинается всегда одинаково. И симптомы одинаковые.

— Какие симптомы? — спросил Северцев, не переставая писать.

— Нервные они становятся. Все им дома не так, будто дерьмом намазано. К себе не подпускают. Психуют по малейшему поводу. Ну и пропадать начинают неизвестно где. Потом отбрехиваются. Я Лиле так и сказал: «Хорошо, бегаешь ты налево. Признайся только. Не ври мне в глаза. Не выношу». А она: нет и нет. И улыбается.

— Кто любовник? — спросил Северцев. — Выяснили?

— Да какая разница! Важен факт, а не то, с кем, где и сколько. Повинилась бы, ничего бы не случилось. Я правду услышать хотел. Чтобы за дурака не держала...

Слушая этот нелепый и ужасный в своей обыденности рассказ, Никонов вспомнил взгляды Аллы, ее реплики и поведение. У него не осталось никаких сомнений в том, что она ему лгала. Он видел ее насквозь. И ему хотелось убить ее. Даже не за измену. За обман. За то, что кормила его ужином, а сама думала о другом.

Никонов спрятал дела в сейф, вышел на улицу, перешел через дорогу в чахлый сквер напротив управления и позвонил Алле.

— Чего тебе? — спросила она.

Голос был раздраженный. Нет, не раздраженный. Беспокойный какой-то. Как будто Алла спешила куда-то и хотела побыстрее закончить разговор, чтобы заняться прерванным делом.

— Ты где? — спросил Никонов, наливаясь гневом.

— Дома, дома. Говори быстрее. Некогда.

Он услышал далекий голос Лоры и успокоился. Она действительно была дома. Может, странности в ее поведении вызваны какими-то другими причинами? Может, он напрасно себя накручивает?

— Купить вечером что-нибудь? — спросил Никонов. — Хлеб, молоко, еще что-то?

— Я сама все куплю, — сказала Алла. — Пока.

— Пока, — машинально ответил он.

Подозрения рассеялись окончательно. Он купил себе два эскимо и съел их, сидя на недавно покрашенной скамейке. Второе мороженое подтаяло и несколько раз капнуло на брюки, но Никонова это ничуть не огорчило. Сгустившиеся на горизонте тучи сами собой разошлись, грозы не приключилось, небо было чистым и безоблачным. Насвистывая непонятно когда и где прилипшую мелодию, Никонов отправился на рабочее место. О существовании жены он больше не вспоминал до самого вечера.

Глава четвертая

Обычно Никонов любил побыть дома в одиночестве. Чтобы никто не галдел, не мешал, не лез со своими мнениями, не грузил своими проблемами. Человеку необходимо личное пространство. Когда все время находишься среди людей, даже самых близких и любимых, у тебя начинают сдавать нервы.

Обычно, не застав жену и дочь дома, Никонов усаживался с подносом перед телевизором, прихватывал газету или книгу и впадал в своеобразную нирвану на диване. Но сегодня он наспех перекусил в кухне и, не включая свет, стал перед окном, из которого была видна та часть двора, которую нужно было пересечь, чтобы попасть в подъезд. Он никогда раньше такого не делал. Он понимал, что ведет себя как мальчишка, и злился. Но гораздо сильнее он злился на Аллу. В этот момент он понимал мужа-убийцу, вытолкнувшего супругу в окно. Того человека тоже бесило поведение женщины, которой он доверял, но, как выяснилось, напрасно.

По пути домой Никонов заскочил в торговый центр, где размещался магазинчик Аллы. Как он и предвидел, ее там не оказалось. На звонки она не отвечала. Вот и думай что хочешь. И то, чего не хочешь, тоже.

Не выдержав испытания ожиданием и одиночеством, Никонов набрал Лору.

— Мама не звонила? — спросил он.

— Нет, — ответила дочь. — А что?

— Ничего, — сказал Никонов. — Ты где? Домой скоро?

— Занимаюсь у подруги, — сказала Лора. — В десять буду.

Он посмотрел на часы.

— В девять!

— Я не маленькая!

— В девять, тебе сказано, — повысил голос Никонов. — В городе черт знает что творится.

— Что творится? — сбавила обороты Лора.

— Девушки пропадают.

— Маньяк?

— Не знаю, — признался Никонов. — Но факт остается фактом.

— Почему же народ не предупреждают?

— Когда у нас о чем предупреждают, Лора? Тут Чернобыль нужен. Дочь пообещала быть засветло. Никонов опять посмотрел на часы и попробовал связаться с Аллой, но не дозвонился. На этот раз бездушный телефонный голос раз за разом талдычил, что абонент недоступен.

— Сука, — процедил сквозь зубы Никонов. — Ты что же творишь, а?..

Он был почти уверен, что жена или отключила мобильник, или заблокировала его вызовы. Смешанное чувство бессилия и унижения охватило его.

Никонов развалился на диване, включил телевизор и стал смотреть какое-то бессмысленное телешоу, гостями которого всегда были одни и те же мужчины, именующие себя аналитиками, политическими обозревателями и еще кем-то, хотя вся их задача заключалась в том, чтобы вовремя открывать и закрывать рты, а также говорить то, что хотела услышать от них пара ведущих: скуластая дамочка в брючках и полный мужчина, затянутый в хипстерский пиджачишко. Они вели себя подчеркнуто агрессивно, перебивали неугодных ораторов, затыкали им рот и высмеивали как хотели. Так называемый круглый стол был устроен таким образом, что на пято`к умников приходилось два болвана, поставленных нарочно, чтобы пинать их и поливать грязью. Чем все присутствующие с удовольствием и занимались.

Никонов не усвоил из услышанного ни слова. Его мысли витали очень далеко от телевизионных дебатов. Он переносился из настоящего в прошлое и обратно. Нахлынувшие воспоминания полностью отрезали его от реальности.

Он познакомился с Аллой на праздновании Нового года у друзей в общаге. Сначала она показалась ему серой мышкой, и он не уделил ей особого внимания. Но, как водится, по мере того как пустели бутылки, ду`ши наполнялись жаждой романтики. Под утро, когда Никонов вышел покурить на лестницу, Алла присоединилась к нему с длинной сигаретой и как бы случайно обмолвилась, что ночует сегодня одна, потому что подруга укатила к родителям. В результате ночевала она в компании Никонова, и то, чем они занимались, по сути, ночевкой не являлось.

Кровать была настолько узкая, что они не могли отлипнуть друг от друга, да и не испытывали такого желания. Им было хорошо. Они

идеально гармонировали в сексуальном плане. С третьего раза Никонов научился распознавать, когда у Аллы приближается оргазм, и это знание очень пригодилось ему в дальнейшем. Она начинала покашливать, как будто заранее прочищая горло для грядущих поскуливаний.

С кем она покашливает, с кем поскуливает теперь?

Никонов выключил телевизор и стал бесцельно слоняться из угла в угол, совершенно не представляя, чем себя занять. Время тянулось невыносимо медленно. До прихода Лоры оставалось еще минут тридцать. Когда явится Алла, было известно одному господу. Или кто там подобными делами заведует?

Никонов открыл холодильник, достал початую бутылку водки, налил в запотевший стакан, понюхал и передернулся. Отставив стакан, он отломил кусок черного хлеба, круто посолил, а из трехлитровой банки выловил помидор с лопнувшей кожицей. С закуской дело пошло веселее. Никонов выпил и первый стакан, и второй, и то, что осталось на донце. В груди растекся жар, глаза заслезились.

Никонову вспомнилось, как они с Аллой набрались во время медового месяца, когда родители подарили им путевку на курорт в Анталии. Они заселились в отличный отель, который назывался «Кремлин» и был имитацией Кремля. Категория «олл инклюзив» подразумевала не только бесплатное (и весьма обильное) питание, но также алкогольные напитки на выбор. Ошеломленные свалившимся на них изобилием, молодожены стали брать к ужину разнообразные вина, мешая белые с красными и сухие со сладкими. На третий вечер они перебрали. Вечер, начавшийся так замечательно, завершился отвратительным выяснением отношений. Набравшийся Никонов выскочил из ресторана и принялся добавлять в гостиничных барах, пока не опьянел настолько, что заблудился. До поздней ночи бродил он по территории отеля, натываясь то на «дворец Советов», то на «храм Василия Блаженного», но отыскать свой корпус был не в состоянии.

В номер он попал только после полуночи и не обнаружил там Аллы. Вместо того чтобы рухнуть на кровать, Никонов принял ледяной душ и отправился на поиски жены. Она нашлась под утро, все еще нетрезвая, виноватая и ласковая. Пожаловалась, что тоже заблудилась и уснула на лежаке возле моря. Он ей поверил, они помирились и впоследствии со смехом вспоминали эту историю. Однако сегодня

Никонову вдруг пришло в голову, что Алла уже тогда могла наставить ему рога с каким-нибудь любвеобильным турком. Он вспомнил ее взгляд, кривую усмешку и решил, что угадал.

Это добило его окончательно. На всякий случай заглянув в бутылку, он отправился шарить в баре, который вообще-то был отведен под хранение документов, но иногда вмещал в себя шампанское или что-нибудь в этом роде. Поиски увенчались успехом. Едва Никонов успел угоститься немецким ликером, как домой вернулась Лора.

Она посмотрела на встретившего ее отца с неодобрением. И она, и ее мать всегда замечали, стоило ему выпить хотя бы бутылку пива, притом что он переносил спиртное хорошо, не шатался, не жестикулировал и не болтал попусту.

— Расслабляешься? — констатировала Лора, едва обозначив вопросительную интонацию. — А мама где?

— Вот у нее и спроси, — проворчал Никонов. — Она на звонки не отвечает.

— Вы поругались?

— Нет.

— Тогда почему мама трубку не берет?

— Говорю же, у нее спрашивай.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ